

Гостиница «Москва», № 424

ЖИВОЕ СЛОВО

Продолжаем публикацию интервью с людьми, приезжающими в наш город и останавливающимися в гостинице «Москва». С нашим корреспондентом беседует писатель из Иркутска, лауреат Государственной премии СССР

Валентин Григорьевич РАСПУТИН

— Только учтите: о собственно литературе я говорить не люблю и не умею... Если уж говорить, так о жизни и литературе.

С этого началась наша беседа, вначале по телефону, рано утром, когда я договаривался с Валентином Григорьевичем о встрече.

А через несколько часов довелось увидеть писателя на пресс-конференции, проводимой на Московской международной книжной выставке-ярмарке.

Ему, как водится, задавали вопросы самого разного характера, и тут выявилась еще одна «нелюбовь» писателя — к празднословию. Отвечал он скупой, порой односложно. В некоторых же случаях проявлял деликатность и одновременно твердость, уходя от ответов, коль скоро речь заходила о рекомендациях и советах, которые, по его разумению, он не вправе давать...

— И все-таки, Валентин Григорьевич, от литературы нам с вами никуда не уйти. Писательское слово, его вес и значение, сила и смысл — как соотносится оно с быстротекущей, изменчивой жизнью?

— Я как-то уже говорил об этом. Мы живем в сложное время, в век больших скоростей. Мы поспешаем за временем, пытаемся идти с ним в ногу и все-таки не успеваем. Поэтому все делаем в каком-то сумасшедшем темпе. Даже книги читаем «по диагонали», методом скоростного проглатывания текста. И литература, к сожалению, в известной мере начи-

нает подстраиваться под таких читателей.

Увеличивается, опять-таки к сожалению, количество книг легковесных, пригодных для чтения в метро и автобусе, но не будящих мысль, не рождающих боль и сострадание. Глубоко убежден: писатель должен работать для тех, кто берет в руки книгу не для того, чтобы убить время, а чтобы чему-то научиться, что-то понять и почувствовать из необходимого, нужно-го себе.

— Что вас беспокоит, волнует как писателя?

— Утрата многих народных традиций. Непомеренная страсть к вещам, накопительству — с этим приходится порой сталкиваться. Технический прогресс, знаете ли, имеет и обратную сторону, ибо не учитывает моральной, духовной сферы жизни человеческой. Я, разумеется, не против техники, но за то, чтобы она существовала для человека, а не наоборот.

— 20 лет назад вы опубликовали первый рассказ. А ныне — «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой»...

— Вы хотите спросить, многое ли сделано за это время? Пожалуй, мало. Пишу я трудно, медленно, редко бываю доволен своей работой. Начинал после филфака Иркутского университета журналистом молодежных газет, писал очерки. Постепенно пробовал себя в прозе, прошел сложный путь самоутверждения. Но у кого такой путь легок?..

— Вот вы упомянули очерки. Ваше отношение к публицистике?

— Писатель, особенно в наше время, должен, обязан быть публицистом. Есть вещи, о которых надо говорить немедленно, открыто, страстно.

Сам я в Восточно-Сибирском издательстве собираюсь выпустить книжку публицистики. В ней размышления о том, что волнует меня, — о сохранении памятников истории и культуры, о судьбе Байкала, о моей родной деревне, о нашей национальной святыне — поле Куликовом.

В публицистике прекрасно работает большой отряд литераторов, в том числе москвичи. Мне нравится живое, душевное слово Василия Пескова. Один из лучших, острых, болевших за наши дела публицистов — Юрий Черниченко.

— В московских и не только в московских театрах идут сценические инсценировки ваших повестей.

— Должен сразу оговориться: не считаю себя драматургом. Что касается московских спектаклей... Не все равноценно, не все удалось в полной мере. Мне нравится «Последний срок» во МХАТе.

В театре меня привлекает, быть может, главная его особенность — живой отклик и живое участие зала в том, что сказано твоим словом. Театр позволяет проверить искренность слова и мысли, если хотите, даже ответственность того и другого. В театре мгновенно чувствуешь, где слово выдуманно, от лукавого, а где точно.

— Вы, наверное, уже видели фильм «Прощание с Матерой»?

— Да. Его начинала снимать режиссер Лариса Шепитько, трагически погибшая во время съемок. Продолжил работу над лентой ее муж Элем Климов. Фильм я считаю честным, талантливым. Он учит истинному патриотизму. Хотелось бы побыстрее увидеть «Матеру» на экранах.

— Валентин Григорьевич, какова доля автобиографического в ваших книгах?

— Элементы биографические, разумеется, присутствуют в повестях. Ведь полностью выдумать героя, наверное, нельзя. Так или иначе он собирает черты и движения души самого писателя. Прямой автобиографизм у меня, пожалуй, только в «Уроках французского». А непрямым, переплавленным — очевидно, везде. Скажем, моя родная деревня пережила ту же судьбу, что и Матера, и это не могло не сказаться при работе над последней повестью.

— Часто ли бываете в Москве?

— Раз в полгода, иногда чаще. Впервые увидел столицу в 1964 году. Тогда работал в красноярской молодежной газете и приезжал в Москву для короткой стажировки в «Комсомольской правде».

Москва и москвичи в моей судьбе сыграли и играют значительную роль. Здесь вышла книга, замеченная читателями и критикой. Меня поддерживали известные писатели-москвичи, а поддержка авторитетов крайне важна для начинающего. В столице у меня много друзей.

— Кем бы вы стали, не будь литератором?

— Трудный вопрос. Может быть, лесником. А может быть, литературным критиком. — Распутин улыбнулся.

— Ваш любимый писатель?

— Достоевский.

— Над чем сейчас работаете?

— Готовлю книгу рассказов, которая, очевидно, выйдет в будущем году.

Интервью провел
Д. ГАЙ.

ЖИВОЕ СЛОВО

Продолжаем публикацию интервью с людьми, приезжающими в наш город и останавливающимися в гостинице «Москва». С нашим корреспондентом беседует писатель из Иркутска, лауреат Государственной премии СССР

Валентин Григорьевич РАСПУТИН

— Только учтите: о собственно литературе я говорить не люблю и не умею... Если уж говорить, так о жизни и литературе.

С этого началась наша беседа, вначале по телефону, рано утром, когда я договаривался с Валентином Григорьевичем о встрече.

А через несколько часов довелось увидеть писателя на пресс-конференции, проводимой на Московской международной книжной выставке-ярмарке.

Ему, как водится, задавали вопросы самого разного характера, и тут выявилась еще одна «нелюбовь» писателя — к празднословию. Отвечал он скупко, порой односложно. В некоторых же случаях проявлял деликатность и одновременно твердость, уходя от ответов, коль скоро речь заходила о рекомендациях и советах, которые, по его разумению, он не вправе давать...

— И все-таки, Валентин Григорьевич, от литературы нам с вами никуда не уйти. Писательское слово, его вес и значение, сила и смысл — как соотнобразится оно с быстротекущей, изменчивой жизнью?

— Я как-то уже говорил об этом. Мы живем в сложное время, в век больших скоростей. Мы спешим за временем, пытаемся идти с ним в ногу и все-таки не успеваем. Поэтому все делаем в каком-то сумасшедшем темпе. Даже книги читаем «по диагонали», методом скоростного проглатывания текста. И литература, к сожалению, в известной мере начи-

нает подстраиваться под таких читателей.

Увеличивается, опять-таки к сожалению, количество книг легких, пригодных для чтения в метро и автобусе, но не будящих мысль, не рожающих боль и сострадание. Глубоко убежден: писатель должен работать для тех, кто берет в руки книгу не для того, чтобы убить время, а чтобы чему-то научиться, что-то понять и почувствовать из необходимого, нужного себе.

— Что вас беспокоит, волнует как писателя?

— Утрата многих народных традиций. Непомерная страсть к вещам, накопительству, — с этим приходится порой сталкиваться. Технический прогресс, знаете ли, имеет и обратную сторону, ибо не учитывает моральной, духовной сферы жизни человеческой. Я, разумеется, не против техники, но за то, чтобы она существовала для человека, а не наоборот.

— 20 лет назад вы опубликовали первый рассказ. А ныне — «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой»...

— Вы хотите спросить, многое ли сделано за это время? Пожалуй, мало. Пишу я трудно, медленно, редко бываю доволен своей работой. Начиная после филфака Иркутского университета журналистом молодежных газет, писал очерки. Постепенно пробовал себя в прозе, прошел сложный путь самоутверждения. Но у кого такой путь легок?..

— Вот вы упомянули очерки. Ваше отношение к публицистике?

— Писатель, особенно в наше время, должен, обязан быть публицистом. Есть вещи, о которых надо говорить немедленно, открыто, страстно.

Сам я в Восточно-Сибирском издательстве собираюсь выпустить книжку публицистики. В ней размышления о том, что волнует меня, — о сохранении памятников истории и культуры, о судьбе Байкала, о моей родной деревне, о нашей национальной святыне — поле Куликовом.

В публицистике прекрасно работает большой отряд литераторов, в том числе москвичи. Мне нравится живое, душевное слово Василия Пескова. Один из лучших, острых, болевших за наши дела публицистов Юрий Черниченко.

— В московских и не только в московских театрах идут сценические инсценировки ваших повестей.

— Должен сразу оговориться: не считаю себя драматургом. Что касается московских спектаклей... Не все равноценно, не все удалось в полной мере. Мне нравится «Последний срок» во МХАТе.

В театре меня привлекает, быть может, главная его особенность — живой отклик и живое участие зала в том, что сказано твоим словом. Театр помогает проверить искренность слова и мысли, если хотите, даже ответственность того и другого. В театре мгновенно чувствуешь, где слово выдуманно, от лукавого, а где точно.

— Вы, наверное, уже видели фильм «Прощание с Матерой»?

— Да. Его начинала снимать режиссер Лариса Шепитько, трагически погибшая во время съемок. Продолжил работу над лентой ее муж Элем Климов. Фильм я считаю честным, талантливым. Он учит истинному патриотизму. Хотелось бы побыстрее увидеть «Матеру» на экранах.

— Валентин Григорьевич, какова доля автобиографического в ваших книгах?

— Элементы биографические, разумеется, присутствуют в повестях. Ведь полностью выдумать героя, наверное, нельзя. Так или иначе он вбирает черты и движения души самого писателя. Прямой автобиографизм у меня, пожалуй, только в «Уроках французского». А непрямой, переплавленный — очевидно, везде. Скажем, моя родная деревня пережила ту же судьбу, что и Матера, и это не могло не сказаться при работе над последней повестью.

— Часто ли бываете в Москве?

— Раз в полгода, иногда чаще. Впервые увидел столицу в 1964 году. Тогда работал в красноярской молодежной газете и приезжал в Москву для короткой стажировки в «Комсомольской правде».

Москва и москвичи в моей судьбе сыграли и играют значительную роль. Здесь вышла книга, замеченная читателями и критикой. Меня поддерживали известные писатели-москвичи, а поддержка авторитетов крайне важна для начинающего. В столице у меня много друзей.

— Как бы вы стали, не будь литератором?

— Трудный вопрос. Может быть, лесником. А может быть, литературным критиком. — Распутин улыбнулся.

— Ваш любимый писатель?

— Достоевский.

— Над чем сейчас работаете?

— Готовлю книгу рассказов, которая, очевидно, выйдет в будущем году.

Интервью провел Д. ГАЙ.